

# ДЖЕК ЛОНДОН



**МОРСКОЙ  
ФЕРМЕР**

*«Морской фермер» — небольшой рассказ из сборника «Сила сильных» выдающегося американского писателя Джека Лондона (1876–1916). \*\*\* Капитан судна «Триапсика» Дональд Мак-Эльрат не любит морской службы, но вынужден служить на Компанию, хотя всю жизнь мечтает прожить как его отец — фермером с полями, засеянными пшеницей. Лондон — знаменитый прозаик и общественный деятель, стремился изображать поведение человека в сложных жизненных обстоятельствах, неизменно веря в него и не забывая о романтической стороне жизни. Джек Лондон — создатель таких произведений, как «Мудрость снежной тропы», «Мясо», «Мятеж на «Эльсиноре», «На берегах Сакраменто», «На конце радуги», «На Скво-Крик», «На цинковке Макалоа», «Набег на устричных пиратов», «Неожиданное», «Неслыханное нашествие» и многих других.*

## Дж. Лондон Морской фермер

— Кажется, карантинный катер, — сказал капитан Мак-Эльрат.

Лоцман бормотал что-то, пока шкипер переводил подозрную трубу с лодки на берег, затем на видневшийся Кингстон, а оттуда на север, ко входу в Хоус-Хэд.

— Ну, что же, прилив хороший, через два часа будем на месте, — заявил лоцман, стараясь казаться веселым.

Шкипер проворчал сердито:

— Гнусный дублинский день!

И еще что-то ворчливо добавил. Он очень устал за эту ночь; ему пришлось, не смыкая глаз, все время простоять на мостике при сильном ветре, который обычно дует в этой части Ирландского канала. Он вообще очень устал за последнее время. Он мог отсчитать по своему корабельному журналу два года и четыре месяца — восемьсот пятьдесят дней, проведенных в плавании. За все это время он ни разу не был дома.

— Настоящая зимняя погода, — произнес он, помолчав. — Город еле виден. Наверное, весь день будет хлестать, дождь!

Капитан Мак-Эльрат был маленький человек, и ему было очень удобно, стоя на мостике, выглядывать из-под брезентового навеса. Лоцман и третий офицер, так же как и рулевой, смотрели через него; рулевой был здоровенный немец, дезертировавший с военного судна, на которое он поступил в Рангуне. Но нехватка нескольких дюймов не мешала капитану быть превосходным моряком. Таково было, по крайней мере, мнение Компании, и, вероятно, так думал бы и сам капитан, если бы ему удалось заглянуть в свой послужной список, хранившийся в секретном архиве. Но Компания никогда даже не намекала капитану на свою уверенность в нем. Это не входило в расчеты Компании, которая очень легко прогоняла своих служащих, но никогда не хвалила и не поощряла их.

В конце концов, капитан Мак-Эльрат был только одним из восьмидесяти шкиперов, обслуживающих восемьдесят транспортных судов Компании, плававших в разных морях.

Внизу два китайца-истопника подавали завтрак на железных ржавых тарелках, которые молчаливо намекали на длинную историю морских испытаний. Один из матросов возился с канатом, тянувшимся к трапу от капитанской рубки.

— Тяжелое плавание, — подсказал лоцман.

— По временам трепало, но шли не так уж плохо; я терпеть не могу попусту терять время.

Сказав так, капитан Мак-Эльрат повернулся и стал смотреть по сторонам, и лоцман сразу понял немое, но ясное объяснение, на что терялось время.

Дымовая труба, выкрашенная в серую краску, казалась белой от покрывавшего ее слоя морской соли. Узкая труба свистка напоминала кристалл и ярко сверкала на солнце, вдруг выглянувшем из-за туч. Спасательной шлюпки не было, а железные балки, на которых она висела, были заметно согнуты, — очевидно, от удара или толчка, который пришелся на долю старого «Триапсика». Отсутствовала шлюпка и на правом борту; ее осколки лежали возле брезентового навеса, заменившего стеклянную крышу над машинным отделением. Дверь в кают-компанию была тоже разбита и наскоро заколочена досками для защиты от страшных волн.

— Я два раза говорил владельцам об этой мерзкой двери, — произнес капитан Мак-Эльрат. — Они отвечали, что и так сойдет. Но на этот раз разразилась такая бешеная буря, что дверь слетела с петель и упала прямо нам на обеденный стол, а заодно ветер разбил и каюту механика.

Ему досадно было.

— Да, видно, было дело, — с участием заметил лоцман.

— Да еще какое! Пришлось нам повозиться. От этого и погиб мой помощник. Я не был вполне уверен в люке номер первый и велел ему осмотреть клинья. Я считал, что надо было поправить люк. В этот миг на нас обрушилась здоровенная волна; даже нам досталось на мостике. Я сначала и не заметил исчезновения помощника, потому что был очень занят снесенной дверью и прилаживанием брезента вместо разбитых стекол над машинным отделением, но затем мы нигде не могли его найти. По словам рулевого, он подошел к трапу в тот самый миг, когда волна покрыла нас. Мы искали его и в каютах, и в машинном отделении, и, наконец, нашли его труп на нижней палубе. Его разрезало пополам щитом паровой трубы. Он лежал по обе стороны трубы и щита.

Лоцман вздрогнул от ужаса и громко выругался.

— Да, — утомленно продолжал шкипер, — так он и лежал по обеим сторонам трубы, разрезанный как селедка. Очевидно, волна подхватила его на верхней палубе, пронесла через машинное отделение и двинула башкой прямо о щит. Он так и разъехался, словно кусок масла. Как раз между глаз и во всю длину, так что

одна его рука с потрохами валялась по одну сторону, а другая — по другую. Неприятно было на это смотреть. Мы сложили его, завернули в брезент и бросили в море.

Лоцман снова ругнулся.

— Ничего, — успокоительно сказал Мак-Эльрат, — большой потери нет. Это был никудышный моряк, из него бы вышел хороший свинопас, но зря он полез в море! Туда ему и дорога.

Существует три рода ирландцев: католики, протестанты и северные ирландцы; последние — те же шотландцы, только пересаженные на другую почву. Капитан Мак-Эльрат был родом из Северной Ирландии, и хотя он был в душе настоящим шотландцем, тем не менее, он всегда приходил в ярость, когда его шотландцем называли. Он родился в Ирландии и намеревался до конца дней оставаться настоящим ирландцем, хотя нередко отзывался о жителях Южной Ирландии так же иронически, как о каких-нибудь гражданах Оранжевой Республики. Он был пресвитерианцем, хотя в той общине, где он жил, в церковь ходило всего пять человек. Он родился на острове Мак-Джилле, население которого из семи тысяч человек отличалось такой необычайной трезвостью, что на острове был всего лишь один полицейский, и совсем не было кабаков.

Капитан Мак-Эльрат не любил моря. Однако, ему пришлось всю жизнь зарабатывать себе хлеб морской службой, и море было для него своего рода мастерской, где он честно работал, подобно тому как другие работают на заводе, в лавке или в конторе. Романтика не волновала его своим голосом сирены<sup>1</sup>. Воображение у него отсутствовало, ничего таинственного для него не существовало. Бури, ураганы и шквалы были для него просто препятствиями, которые необходимо было преодолеть, больше они для него ничего не значили. Стоя на своем мостике, он чувствовал себя полным хозяином положения. Во время плавания ему встречались разные диковинки и чудеса, но он, в сущности говоря, ничего не видел. Перед ним мелькали яркие красоты тропических морей и ледяные туманы крайнего юга и крайнего севера, но он вспоминал о них постольку, поскольку они портили ему двери и палубу, и помнил одно: сколько лишнего угля пришлось ему истратить на эти длинные переходы и сколько краски было смыто неожиданными шквалами и ливнями.

— Я свое дело знаю, — говорил он обычно.

Все, что выходило за пределы его профессии, абсолютно его не интересовало. И хотя его глаза видели очень много чудесного, он все же не подозревал, что это существует на белом свете.

Директора Компании были уверены в том, что он знает свое дело, потому-то они и назначили его, хотя ему было всего сорок лет, капитаном «Триапсика», парохода, зарегистрированного в три тысячи тонн, а фактически с грузоподъемностью в девять тысяч, и оцениваемого в пятьдесят тысяч фунтов. Ему пришлось выбрать морскую профессию не потому, что он любил ее, но потому, что он был младшим, а не старшим сыном своего отца. Остров Мак-Джилль был очень мал, и пахотной земли хватало только на определенное количество жителей. Излишек населения, а он был довольно значительный, принужден был добывать себе пропитание морским промыслом. Так было заведено в течение нескольких поколений. Старшие сыновья обычно наследовали землю и ферму, а младшие отправлялись в море и скитались по всему миру. Поэтому Дональд Мак-Эльрат, сын фермера, был оторван от земли, которую он любил, и заброшен судьбою в море, которое он ненавидел и которое стало как бы его фермой. Он обрабатывал его в течение долгих двадцати лет. Трезвый, хладнокровный, прилежный и упорный, он прошел долгий путь от юнги до капитана парусного судна, а затем, перейдя на пароход, служил сперва младшим офицером, потом старшим и, наконец, капитаном, сначала маленьких судов, а затем постепенно дошел до рубки старого «Триапсика», правда, ветхого, но зато оцениваемого в пятьдесят тысяч фунтов и выдерживающего в бурю девять тысяч тонн груза.

И вот, стоя на мостике «Триапсика», он с этого высокого поста, постигнутого многолетним трудом и усердием, озирает лежавший перед ним Дублинский порт, окутанный туманом город и бесконечные мачты стоящих в гавани судов. Он возвращался домой после двух кругосветных путешествий и множества мелких рейсов, возвращался к своей жене, которую он не видал двадцать восемь месяцев, и к своему ребенку, которого он вовсе не видал, хотя тот уже ходил и говорил.

Внизу выстроились кочегары и палубная прислуга; все они толпились у дверей бака, как кролики в садке, в ожидании вызова доктора для осмотра. Это были по большей части китайцы, с плоскими, как у сфинксов, лицами и с неуклюжей походкой, словно башмаки были слишком тяжелы для их тощих ног.

Он глядел на них, совершенно их не замечая, и, держа руки у козырька фуражки, машинально играл прядью своих седых волос. Не видал он их потому, что они представляли лишь задний план сцены, на которой возникали совсем другие, мирные видения; эти картины все носились перед ним в те долгие теплые ночи, когда старый «Триапсик» рассекал воды океана, заливавшего водой его палубу, гонимый ветрами, окутанный туманом и поливаемый беспрестанными ливнями. Он всегда видел перед собою маленькую ферму — дом с прилегающими к нему, крытыми соломою, строениями; он видел детей, весело играющих на пороге,

---

<sup>1</sup> Мифическое чудовище, полуженщина-полурыба. Пленительным пением она будто бы завлекала корабли на рифы.

и свою добрую жену, которая или доила корову, или кормила кур; он слышал, как в соседней конюшне, принадлежащей его отцу, стучали копытами и ржали лошади, видел расстилающиеся кругом поля, тщательно возделанные, простирающиеся до самого горизонта. Это была его любимая мечта, его роман, его приключение, венец всех его мечтаний, высшая награда за бесконечные морские скитания, за то, что он исходил все моря, избородил все воды своим пароходом-плугом.

Этот человек по своей простоте и по своим природным склонностям был настоящим землевладельцем; его отцу было семьдесят один год, и он за всю свою жизнь ни разу не спал нигде, кроме своего родного дома на острове Мак-Джилле. Для капитана Мак-Эльрата эта жизнь казалась идеалом, и он удивился, как могут другие, без всякого принуждения, по собственной воле, бросать фермы и пускаться в плавание. Сам он так много путешествовал, что весь мир представлялся ему деревней, а сам он чувствовал себя в роде деревенского башмачника, сидящего в своей лавчонке. Перед его мысленным взором расстилались улицы в сотни миль длиною, — пожалуй, даже еще длиннее; он видел повороты, огибавшие опасные места или ведущие в тихие заливы и бухты; видел перекрестки, от которых одна дорога вела в страну цветов, в теплые моря, другая — к вечным туманам, страшным бурям, гибельным подводным рифам. Большие освещенные города представлялись ему как бы магазинами на этих улицах, — магазинами, где можно было возобновить запас угля, сдать груз, получить привет от лондонских хозяев, направиться еще куда-нибудь в поисках груза. Но вспоминать все это капитану было очень скучно, и если бы оно не служило для него источником существования, то не представляло бы решительно никакого интереса.

В последний раз капитан виделся со своей женой в Кардифе, двадцать восемь месяцев назад. Он тогда отплыл в Вальпараисо с грузом угля в девять тысяч тонн, который и доставил благополучно до места назначения. Из Вальпараисо ему пришлось порожняком плыть в Австралию: шесть тысяч миль при бурной погоде — не шуточное плавание. Оттуда он махнул — опять с углем — в Орегон — семь тысяч миль; потом с разным грузом — в Японию и Китай. Из Китая пришлось плыть на Яву, где погрузили сахар, предназначенный для Марселя. Из Марселя направились на восток и зашли в Черное море; затем с грузом марганца — в Балтимору; по дороге задержали бури, и, чтобы пополнить запас иссякшего угля, пришлось завернуть на Бермуды; затем срочный фрахт в Норфолк, Виргинию, где он погрузил тайком контрабандный уголь, после чего отплыл в южную часть Африки, под наблюдением германского надсмотрщика, приставленного к нему по каким-то таинственным соображениям. Из Южной Африки он поплыл на Мадагаскар. При этом надсмотрщик высказал опасение, что русскому флоту может понадобиться уголь, и приказав делать не более четырех узлов в час. Бесконечная путаница, задержки, остановки, дипломатические осложнения и толки во всем мире о контрабанде старого «Триапсика». Затем — в японский военный порт Сассебо; отсюда — снова в Австралию; еще один срочный фрахт и смешанный груз, забранный в Сиднее, Мельбурне для доставки на Остров св. Маврикия, Лорензо-Маркез, Дурбэн, в бухту Алгоа и Капштадт. Оттуда — на Цейлон за распоряжениями; а отсюда — в Рангун за грузом риса для Рио-де-Жанейро. Затем в Буэнос-Айрес за маисом, который надлежало доставить в Великобританию или на континент, с остановкой в Сан-Винценте, где он получил приказ идти в Дублин. И вот два года четыре месяца — восемьсот пятьдесят дней, согласно корабельному журналу — он беспрестанно плавал взад и вперед по бесконечным морским улицам. Теперь он опять приплыл в Дублин. Усталость давала себя чувствовать.

К «Триапсику» подошел маленький катер, и под громкие крики — команды старый морской скиталец был введен в порт. Канаты, брошенные с кормы и с носа, шлепнулись на берег. Одно причалило, и уже группа веселых зевак толпилась на берегу.

— Стоп машина! — скомандовал капитан Мак Эльрат тихим голосом. Третий помощник передал его команду в машинное отделение.

— Давай сходни! — приказал второй помощник, и когда это было исполнено, произнес: — Готово!

Это «готово» означало роспуск команды, — поставить сходни было последней задачей. Путешествие было кончено. Весь экипаж с нетерпением бросился к своему багажу, который был уже приготовлен. Все люди давно мечтали о твердой земле, так же как и капитан. Мак-Эльрат простился с лоцманом и направился к своей каюте. На палубе уже стояли таможенные чиновники, инспектор, конторские служащие, полицейские агенты.

— Вы дали знать моей жене? — спросил капитан агента, вместо того чтобы поздороваться.

— Мы послали ей телеграмму, как только узнали о вашем прибытии.

— По всей вероятности, она приехала с утренним поездом, — заключил капитан, и вошел в свою каюту, чтобы умыться и переодеться.

Он в последний раз поглядел вокруг, и его взгляд остановился на двух фотографиях — его жены и ребенка, которого он еще не видел. Он заглянул и в кают-компанию, со стенами, украшенными кедровыми панелями, и вспомнил, как во все продолжение этого скучного путешествия он обедал здесь за этим длинным столом, около которого умещались десять человек. За столом никогда не было ни смеха, ни споров, ни оживленных бесед. Капитан обычно ел быстро и молча. Он был еще молчаливее, чем прислуживавшие ему

азиаты. Капитану вдруг стаю невыносимо жутко при мысли, как одинок он был за эти два года и четыре месяца. Он ни с кем не делился своими тревогами. Его помощники были слишком молоды и легкомысленны, а штурман отличался глупостью. Не с кем было даже посоветоваться. Его единственной спутницей за все это время была ответственность. С нею он сидел рядом за ужином, с нею разгуливал по палубе, с нею ложился спать.

— Ну, — пробормотал он своей страшной компаньонке, — теперь я с тобой разделался! По крайней мере, на некоторое время.

Отпустив на берегу матросов, нагруженных мешками, Мак-Эльрат с обычной своей медлительностью передал все дела в агентстве. От предложения выпить вина он отказался и попросил себе содовой воды.

— Я хоть и не член общества трезвости, — заметил он, — но всю жизнь терпеть не мог ни пива, ни виски.

После полудня, выплатив жалованье своей команде, он пошел в частную контору, где, как он знал, ожидала его жена.

Он прежде всего посмотрел на нее, хотя ему очень хотелось хорошенько разглядеть сидевшего с ней рядом ребенка. Он крепко ее обнял и поцеловал, а потом долго смотрел ей в лицо, удивляясь, как мало она изменилась за это время. По мнению жены, капитан Мак-Эльрат был очень добр и чуток, хотя офицеры и матросы считали его раздражительным и желчным.

— Ну, Анни, как дела? — спросил он, привлекая ее к себе.

И опять он невольно отстранился от нее, от этой почти незнакомой женщины, которая в течение уже десяти лет была его женою. Она была для него почти чужой, — более чужой, чем его китайская прислуга. Его помощники, с которыми он виделся ежедневно в продолжение восьмисот пятидесяти дней, были для него гораздо ближе, чем жена. Капитан был женат десять лет, и за все эти десять лет он провел с женою всего лишь девять недель. Возвращаясь домой, он каждый раз как бы заново знакомился с нею. Такова была участь всех людей, призванных вспахивать соленые поля морей. Все они очень мало знали своих жен и почти совсем не знали своих детей. Близорукий Мак-Ферган, старший механик, рассказывал, как он был однажды прогнан из дому своим маленьким четырехлетним сыном, который ни разу в жизни не видал отца.

— Вот какой у нас малютка, — произнес капитан, не совсем уверенно протягивая руку, чтобы потрепать ребенка по щеке. Но мальчик отстранился от него и потянулся к матери, как бы ища защиты.

— Ах, — воскликнула она, — он совсем не знает своего папы!

— И я его тоже. Не знаю, сумел ли бы я узнать его в толпе ребятишек, хотя, мне кажется, у него твой нос.

— И твои глаза, Дональд! Посмотри на них!.. Детка, это твой папа. Ну-ка, поцелуй его как следует!

Но ребенок еще крепче прижался к ней, причем выражение страха и недоверия ясно отражалось на его лице, а когда отец попытался взять его на руки, ребенок чуть не раскричался.

Капитан встал и посмотрел на часы, желая скрыть свое невольное огорчение.

— Пора ехать, Анни, — сказал он. — Поезд скоро отходит.

Сидя в поезде, он сначала молчал. Он смотрел на жену, державшую на руках дремавшего ребенка, смотрел на засеянные поля и холмы, смутно выделявшиеся сквозь сетку мелкого, частого дождика. Они сидели в отдельном купе, ребенок уснул, мать уложила его и укутала платком. Расспросив жену о здоровье родных, о видах на урожай, о ценах на землю, капитан решил, что пора рассказать ей о себе. Он начал рассказывать, но его рассказ отнюдь не был похож на волшебную сказку о прекрасных цветущих странах или о таинственных восточных городах.

— Что это за остров Ява? — спросила она.

— Сплошные лихорадки. Почти все матросы заболели, невозможно было работать. Все только и делали, что глотали хинин. По утрам всей команде натошак раздавали хину и джин. Ну, конечно, после этого и здоровые притворялись больными.

В другой раз она спросила, хорошо ли в Ньюкэстле.

— Уголь и черная пыль — больше ничего. Пакостный городишко! У меня там удрали два китайца-истопника. Владельцам пришлось заплатить правительству штраф по сто фунтов за каждого. Я потом получил от владельца письмо в Орегоне. «Мы очень сожалеем, — писали они мне, — что из состава вашей команды бежали двое китайцев. Советуем вам впредь быть внимательнее». Внимательнее! Я и так смотрел за ними в оба. Каждому причиталось по сорок пять фунтов стерлингов жалованья. Я никак не мог подозревать, что они удерут. Это обычная их манера писать: «мы рекомендуем», да «мы советуем», да «нам кажется странным». Проклятая старая лохань! Они думают, что на ней можно идти, как на какой-нибудь «Лукании», и, вдобавок, не тратя угля. А потом — сколько крови я себе перепортил с этим проклятым винтом. Старый был железный, погнутый по краям, мы не могли развивать с ним нужную скорость. Поставили новый из бронзы. Он обошелся в девятьсот фунтов, и владельцы решили во что бы то ни стало окупить его. А у меня был этот проклятый рейс, и мы все время ползали, как черепахи. «К нашему крайнему

сожалению, мы должны указать вам, что ваш переход из Вальпараисо в Сидней был очень продолжителен, вы шли в день со средней скоростью лишь в сто шестьдесят семь миль. Мы предполагали, что вы сумеете лучше использовать новый винт. Вы должны были делать по крайней мере двести шестнадцать». А ведь это было в разгар зимы. Дождь лил как из ведра, свирепствовали бури и ураганы; вдобавок у нас не хватало угля, и нам пришлось шесть дней скитаться по ветру, с застопоренными машинами. А этот болван штурман не мог по ночам смотреть спокойно на сигнальные огни встречных пароходов и всегда вызывал меня на мостик. Я все это им написал. А они мне в ответ: «Наш консультант по навигации находит, что вы слишком отклонились на юг», и «мы впредь ожидаем от нового винта лучших результатов». Консультант по навигации! Сухопутный лоцман! Подумаешь! Это была самая нормальная скорость для зимнего перехода от Вальпараисо до Сиднея. Затем я отправился в Окленд, потому что у нас не хватило угля. Желая возместить убытки, вызванные потерей времени, я решил не нанимать лоцмана и сам ввел судно в порт. Там не было обязательным нанимать лоцмана. Потом отправляюсь в Иокогаму и встречаю там капитана Робинсона с «Диапсика». Мы начали с ним толковать о равных портах по дороге в Австралию, и он вдруг меня спрашивает:

«Скажите, пожалуйста, капитан, вы были когда-нибудь в Окленде?»

«Был, — говорю, — и даже очень недавно».

Тогда он посмотрел на меня не особенно дружелюбно.

«Значит, это я вам обязан получением от владельцев этого письма? Вы поставили нам в счет пятнадцать фунтов за лоцмана в Окленде; недавно одно из наших судов заходило в Оклендский порт, но не производило этого расхода. Считаем долгом вам заметить, что так, как в расходе этом не встречалось и не встречается необходимости, то рекомендуем вам не делать таких напрасных трат в будущем».

А они, небось, не поблагодарили меня за то, что я сэкономил для них пятнадцать фунтов. Ни звука. Вместо этого они посылают капитану Робинзону письмо, упрекая его в расточительности, а мне пишут: «Вы ставите в вашем счете «две гинеи доктору, приглашенному для команды», будьте любезны объяснить подробнее этот непредвиденный расход».

Я приглашал доктора для двух китайцев, ибо думал, что у них «бери-бери»<sup>2</sup>. Через неделю мне пришлось их похоронить в море, а они еще пишут: «будьте любезны объяснить подробно этот непредвиденный расход». А капитану Робинзону: «так как в расходе этом не встречалось необходимости». А потом, разве я не телеграфировал им из Ньюкэстля, что мое старое корыто так прогнило, что его необходимо ввести в сухой док? Просидеть семь месяцев в сухом доке и на западном побережье! Поганое место, где всего легче издохнуть. Но у них, изволите ли видеть, был угольный фрахт на Портленд. «Аррата», один из пароходов Вур-Линии, вышел одновременно с нами и тоже отправился в Портленд. Старый «Триапсик» делал шесть узлов, максимум семь. И что же, в Комаксе, где грузили уголь, я получил от владельцев письмо. Оно было подписано главным директором, и в конце он приписал собственноручно: «Аррата» обогнала вас на четыре с половиной дня, весьма разочарован». Разочарован! Разве я им не телеграфировал из Ньюкэстля? Когда «Триапсика» поставили в портлендский сухой док, так у него на днище торчали усы в фут длиной. Он весь был облеплен раковинами величиною с мой кулак и устрицами с тарелку. После него два дня пришлось выгрести из дока всякий мусор. А потом началась эта знаменитая история с колосниками в Ньюкэстле. Они были сделаны тяжелее, чем указано было в смете инженера, но завод забыл поставить в счет разницу в весе. И вот, когда я уже собирался покинуть берег, ко мне прибегают со счетом: «Тут произошла маленькая ошибка, вы должны доплатить шесть фунтов». Они успели побывать на судне и сказали мне, будто Мак-Ферган пометил на счете: «правильно». Мне это показалось странным, и я не хотел платить.

«Неужели вы сомневаетесь в вашем старшем механике?» — спросили они.

«Я не сомневаюсь, — отвечал я, — но я не могу подписать этот счет. Поезжайте со мной на судно. Лодка вас доставит обратно, и это вам ничего не будет стоить. Мне надо поговорить с Мак-Ферсоном».

Но они не хотели отправляться на судно. Они мне прислали в Портленд счет по почте. Я не обратил на него никакого внимания. В Гонгконге я получил письмо от хозяев. Счет был послан им. С Явы я им написал в чем дело. В Марселе я опять получил от них письмо: «За дополнительные работы по машинному отделению шесть фунтов. Старший механик подписал этот счет, а вы не заплатили. Вы, стало быть, сомневаетесь в его честности». Я написал, что не сомневаюсь, что это был счет за излишний вес колосников, и что все это правильно. И что же, — они не подумали заплатить, а сказали, что сперва разберут дело. А тут какой-то конторщик заболел. Счет был потерян, и началась бесконечная переписка. Пришлось завести особое дело по доплате шести фунтов за колосники. Я получал по этому поводу письма и в Балтиморе, и в бухте Делагоа, и в Можи, и в Рангуне, и в Рио, и в Монте-Видео. Дело и до сих пор не закончилось. Да, Анни, трудно угодить хозяевам.

---

<sup>2</sup> Заразная, очень тяжелая болезнь, распространенная в Японии, Австралии, на о. Цейлоне и на Малабарском берегу. Болезнь свирепствует преимущественно в то время года, когда прекращаются периодически дующие ветры.

Капитан задумался и затем негодуяще пробормотал:

— Дело по доплате шести фунтов за колосники.

— Слыхал ли ты что-нибудь о Джимми? — спросила его жена после короткого молчания.

Капитан Мак-Эльрат отрицательно покачал головой.

— Его слизнуло с кормы вместе с тремя матросами.

— Где?

— У мыса Горн. Это случилось на «Торнсби».

— Они уже возвращались домой?

— Да, — сказала она. — Мы получили об этом известие только три дня назад. Его жена в полном отчаянии.

— Джимми был хороший парень, — заметил он, — только иногда любил выпить лишнее. Мы служили с ним вместе на «Абблоне» младшими помощниками. Стало быть, бедный Джимми погиб.

Наступило молчание, которое опять было нарушено женой.

— А ты ничего не слыхал о «Банкшайре»? Мак-Дугель потерпел на нем крушение в Магеллановом проливе. Об этом вчера писали в газетах.

— Магелланов пролив — скверное место, меня там едва не посадил на мель мой помощник, чтобы черт его побрал. Вот был идиот! Вот дурак! Я его потом не пускал на мостик. Когда мы подходили к Нэрро-Рич, был здоровенный туман и валил густой снег. Я сидел у себя в каюте над картой и дал ему измененный курс. Я ему сказал: «Зюйд-ост-ост». — «Зюйд-ост-ост, сэр», — ответил он. Через четверть часа поднимаюсь я на мостик.

«Удивительное дело, — говорит мне помощник, — совсем не помню чтобы при входе в Нэрро-Рич были острова».

Я только посмотрел на острова и заорал рулевому:

«Клади руль на штирборт!»

Тут старый «Триапсик» сделал такой поворот, какого он не делал еще ни разу в жизни. Я выждал, пока перестал идти снег, и что же оказалось! Нэрро-Рич был к востоку от нас, а остров при входе в Ложную Бухту — к югу.

«Какой куре ты держал?» — спросил я рулевого.

«Зюйд-ост, сэр», — отвечал он.

Я посмотрел на помощника. Что я могу ему сказать? Удивляюсь, как я не убил его на месте. Разница на четыре пункта! Еще пять минут — и старому «Триапсику» была бы крыша. Когда мы шли обратно на восток, случилось то же самое. Если бы была ясная погода, нам бы потребовалось на переход не более четырех часов, а тут мне пришлось провести на мостике сорок часов под ряд. Я дал помощнику курс и указал ему, что Асктарский маяк должен быть все время за кормой и не заходить больше чем до норд-веста. Затем я пошел к себе в каюту и решил вздремнуть. Но я так беспокоился, что никак не мог заснуть. В копне концов, проторчав на мостике сорок часов, можно проторчать и еще четыре, а ведь в эти четыре часа помощник мог погубить судно. Я умылся, выпил чашку крепкого кофе и пошел на мостик. Я чуть не умер от ужаса, взглянув на положение Асктарского маяка, — он был на норд-вест-вест, и старый «Триапсик» почти налез на мель. Ну, не болван ли был мой помощник! Можно было уже различить дно сквозь воду. «Триапсик» едва не погиб! Этот дурак в течение тридцати часов дважды едва не посадил его на мель.

Капитан Мак-Эльрат своими добрыми синими глазами посмотрел на ребенка, а жена, желая его развлечь, спросила:

— Помнишь Джимми Мак-Кауля? Вы вместе ходили в школу, когда были мальчиками. Ферма старого Мак-Кауля находится позади дома доктора Хэйторна.

— А что с ним случилось? Он умер?

— Нет, когда ты в последний раз уехал в Вальпараисо, он пришел к твоему отцу и спросил его, бывал ли ты раньше в Вальпараисо. Твой отец ответил, что нет. Джимми очень удивился и сказал:

«А как же он найдет туда дорогу?»

Твой отец ответил на это: «Это очень просто, Джимми; предположи, что ты пошел к кому-нибудь, кто живет в Белфасте. Белфаст большой город, там много улиц, а все-таки ты бы ведь нашел то, что тебе нужно».

«Это другое дело, — сказал Джимми. — Я бы всех спрашивал по дороге».

«Ну, что ж, и тут то же самое, — отвечал твой отец, — так же и Дональд найдет дорогу в Вальпараисо. Он будет спрашивать каждое судно, которое попадется ему навстречу, до тех пор, пока не повстречает такого, которое успело уже побывать в Вальпараисо. Капитан этого судна и укажет ему дорогу».

Джимми почесал у себя за ухом и нашел, что это в самом деле очень просто.

Капитан расхохотался этой шутке, и его усталые глаза на секунду оживились.



— Этот младший помощник был удивительно странный малый. Он был такой же странный, как мы, когда мы бываем вместе, — заметил он, улыбаясь, но улыбка тотчас же исчезла с его губ, а глаза стали усталыми и тусклыми.

— Вообрази, что он выкинул в Вальпараисо. Выгрузил шестьсот фатомов<sup>3</sup> стального троса, не взяв с приемщика расписки. Я как раз в это время получал документы. Уж когда мы были в море, я стаж искать расписку и не нашел ее.

«Стало быть, вы не взяли расписки», — сказал я.

«А зачем же брать, — возразил он мне, — ведь трос пошел прямо нашим агентам».

«Вы плаваете по морю столько лет, — воскликнул я, — и до сих пор не знаете, что младший помощник обязан сдавать каждый груз под расписку, а в особенности на западном побережье! А что, если грузчики стянут несколько фатомов?»

Так и случилось, как я сказал. Выгружено было шестьсот фатомов, а наши агенты получили всего четыреста девяносто пять. Грузчики клялись, что больше там и не было. В Портленде я получил по этому поводу письмо от хозяев. Доставалось, разумеется, не моему помощнику, а мне, за то, что я находился на берегу во время разгрузки. Точно я мог бы быть одновременно в двух местах! И хозяева и агенты до сих пор пишут мне письма.

Да, мой помощник вовсе не был моряком и не годился для настоящей работы. Он хотел пожаловаться на меня торговой инспекции за то, что я взял слишком много груза. Он говорил это боцману и потом отчеканил мне прямо в глаза, что судно сидит на полдюйма ниже ватерлинии. Это было в Портленде, когда мы брали пресную воду и шли в Комакс за углем. Дело в том, Анни, что я действительно сидел на полдюйма ниже. Но это строго между нами. А эта скотина хотел донести на меня торговой инспекции и все время только и думал об этом, пока его не разрезало пополам на щите паровой трубы.

Он был просто болван! Когда мы уходили из Портленда, мне пришлось взять еще шестьдесят тонн угля, чтобы хватило до Комакса. Платить за лихтер<sup>4</sup> я расположен не был, а места свободного около дока не было. Там стояла французская барка. Капитан ее согласился уступить мне на несколько часов место, после того как он окончит свою дневную работу. Я спросил, сколько он возьмет с меня за это «Двадцать долларов», — отвечал он. Для владельцев это было все-таки выгоднее, чем брать лихтер, и я согласился. В ту же ночь, в темноте, я пристал и взял уголь. Я начал потом отходить под парами, чтобы стать далее на якорь. У нас что-то не ладилось в машине, а приходилось идти кормой вперед. Старый Мак-Ферган заявил, что двигаться придется ручным ходом и очень тихо. Мы двинулись. Лоцман находился на борту. Навстречу нам было очень сильное течение, а недалеко стояло на якоре судно; по обе стороны судна находились лихтеры, но на них не было сигнальных огней. Двигать в темноте такое большое судно было очень трудно, да, вдобавок, еще Мак-Ферсон давал обратный ход. Мы ткнулись в лихтер кормою в тот самый миг, когда я кричал Мак-Фергану, указывая направление.

«Что это?» — спросил лоцман, когда мы наткнулись на лихтер.

«Не знаю, — ответил я. — Я сам удивляюсь».

Из этого ты можешь заключить, что лоцман был не очень опытный. Мы пришли к месту стоянки, бросили якорь, и все бы обошлось благополучно, если бы не этот дурак помощник.

«Мы разбили вдребезги тот лихтер», — объявил он, взбираясь на мостик.

«Какой лихтер?» — спросил я.

«Тот, рядом с судном!»

Лоцман, конечно, начал прислушиваться.

«Я не видал никакого лихтера», — сказал я и одновременно крепко наступил ему на ногу.

Когда лоцман ушел, я сказал помощнику:

«Если уж вы ни черта не понимаете, вы лучше не разевайте пасти».

«Да ведь мы же разбили лихтер».

«Ну и что ж? — сказал я. — Не ваше дело сообщать об этом лоцману, хотя, по-моему, там никакого лихтера и не было».

На следующее утро, не успел я одеться, приходит матрос и докладывает, что какой-то человек желает меня видеть.

«Давай его сюда», — говорю я.

Является этот самый человек.

«Садитесь!» — говорю.

<sup>3</sup> Английский фатом или морская сажень = 6 англ. футам = 1,829 м.

<sup>4</sup> Вспомогательное судно для перевозки грузов.

Он садится.

Оказывается, это был владелец лихтера. Когда он рассказал мне всю историю, я просто заявил ему, что не видал никакого лихтера.

«Как! — воскликнул он. — Вы не видали двухсоттонного лихтера у борта того судна? Да ведь он, по крайней мере, с дом величиной».

«Я руководствовался сигнальными огнями судна, — возразил я. — Судна я не задел, в этом я уверен».

«Да, но вы задели лихтер, — возразил он, — вы его разбили вдребезги. Вы наделали мне убытка на тысячу долларов, и вам придется их возместить».

«Вот что, сударь, — заявил я. — Согласно правилам, я по ночам обязан руководствоваться сигнальными огнями. На вашем лихтере их не было, а стало быть, я и не обязан был замечать его».

«Но ваш помощник говорит...» — начал он.

«Пошлите к черту моего помощника, — возразил я. — Вы мне скажите, — были на вашем лихтере сигнальные огни?»

«Нет, — ответил он, — но ведь была ясная лунная ночь».

«Я вижу, что вы человек с головой, — сказал я. — Но позвольте вам доложить, что и у меня есть тут кое-что. Я не обязан замечать лихтеры, на которых нет сигнальных огней. Если вы хотите судиться, сделайте одолжение. Добрый день. Палубный вас проводит...»

К счастью, дело на этом и кончилось. Но видишь, какая стерва был этот помощник! Ей-богу, все капитаны должны благодарить небо за то, что его разрезало пополам у паровой трубы! Его держали только потому, что у него была в конторе протекция.

— Наши агенты сказали мне, — проговорила жена, — что ферма Веслей скоро будет продаваться.

Она украдкой взглянула на него, чтобы посмотреть, какое впечатление произведут на него ее слова.

Глаза капитана радостно блеснули, и он выпрямился, как человек, преисполнившийся внезапной бодрости. Эта ферма была предметом его мечтаний. Она была расположена рядом с фермой его отца и на расстоянии полумили от фермы его тестя.

— Ладно, мы ее купим, — сказал он. — Только будем держать это в секрете, пока не выплатим за нее полностью. Я сколотил кое-что за это время, хотя теперь заработок и становится все хуже и хуже. У нас будет, наконец, свое собственное гнездо. Я поговорю с отцом и оставлю ему деньги, чтобы он мог купить форму, даже если я буду в это время в море.

Капитан протер запотевшее изнутри окно и стаж глядеть на равнины, окутанные непроницаемой пеленой дождя.

— В молодости я всегда боялся, что хозяева прогонят меня. Откровенно говоря, я и до сих пор этого побаиваюсь. Но когда у меня будет своя ферма, я больше не буду этого бояться. Да, быть морским фермером — это трудное занятие. Я работаю на всех морях, подвергаюсь всевозможным опасностям на судне, которое стоит пятьдесят тысяч фунтов, с грузом, который стоит иногда сто тысяч фунтов, — полмиллиона долларов, как говорят янки. И что ж? За эту ответственную работу я получаю какие-нибудь двадцать фунтов в месяц. Разве на суше кто-нибудь согласился бы управлять имением, стоящим сотни тысяч, и получать за это двадцать фунтов? А сколько у меня хозяев! И владельцы, и фрахтовщики, и всякие там торговые инспекции. Владельцы требуют быстрых переходов и не желают знать никаких опасностей. Фрахтовщики требуют безопасных переходов и не считаются со временем. Торговая инспекция взывает к осторожности. А осторожность всегда ведет к разным задержкам. Три хозяина — и все готовы накостылять тебе шею, если ты их не ублажишь.

Почувствовав, что поезд замедляет ход, капитан опять подошел к запотевшему окну. Затем, подняв воротник и застегнув пальто, он неловко взял на руки спавшего ребенка.

— Я передам отцу деньги, — сказал он, — чтобы земля была куплена при первой возможности, на случай, если я буду в это время в плавании. Старик, я знаю, не даст маху. А тогда пусть хозяева, прогоняют меня, когда им угодно. Мне будет на это наплевать! Я буду с тобою, Анни, а море может провалиться в тартарары.

При этой мысли лица их прояснились, а перед глазами у обоих одновременно возникло желанное мирное видение. Анни наклонилась к нему, и когда поезд остановился, он нежно поцеловал ее, стараясь не разбудить мирно спавшего младенца.



All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

**«Strelbytskyy  
Multimedia Publishing»**

Saksaganskogo str., 58, office 8  
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20  
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

**«Мультимедийное  
издательство Стрельбицкого»**

ул. Саксаганского, 58, оф.8  
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20  
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Электронная книга издана  
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»**

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:  
**[www.strelbooks.com](http://www.strelbooks.com)** **[www.audio-book.com.ua](http://www.audio-book.com.ua)**

Желаем приятного чтения!  
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: [dmytro.strelb@gmail.com](mailto:dmytro.strelb@gmail.com)

**Эта книга охраняется авторским правом  
Copyright © 2015  
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»**